

От автора

С глубокой благодарностью отмечаю, что я в долгу у доктора Ричарда Дэвиса за консультации по определенным медицинским вопросам. Я также благодарен Мойре Уортон за то, что она привела в порядок хронологию повествования.

Все ошибки, однако, сделаны мною собственноручно.

Единственный в книге портрет, написанный с натуры, — портрет города Торонто. Все прочие персонажи вымышлены, и любое их сходство с ныне живущими или когда-либо жившими людьми непреднамеренно.

Чародеи, знахари и белые ведьмы, как их называют, есть в каждой деревне и готовы, если к ним прибегнут, лечить почти любые хвори тела и души... Как доказал Платон, болезни тела коренятся в душе; и, не утолив сперва душу, нельзя излечить тело.

*Роберт Бертон.
Анатомия меланхолии (1621)¹*

¹ Здесь и далее, если не оговорено иное, прозаические цитаты даны в переводе Т. Боровиковой.

(1)

Следовало ли мне забрать вставные челюсти? Когда я работал полицейским врачом, я бы непременно так и поступил: кто знает, что могло застрять между зубами или забиться в щели? Я был бы в своем полном праве. Но в той необычной ситуации — какими неоспоримыми правами я располагал?

Начнем с того, что я был уже не полицейским врачом, а просто врачом; в первую очередь, надо думать, диагностом — как частнопрактикующим, так и преподавателем медицинского факультета (по предмету «Диагностика»). Таким образом, я оказался случайным, но компетентным свидетелем того, как бедный старый священник отец Хоббс скончался прямо у алтаря Господня в храме Святого Айда на утре Страстной пятницы. Когда он упал, я рванулся вперед — инстинктивно, как пожарная лошадь при звуках колокола. Я был еще молод и не знал, что врач не должен торопиться ни при каких обстоятельствах. Когда Чарли махнул рукой, отгоняя меня, и зашипел: «Это алтарь, сюда нельзя. Я все сделаю», я не хотел настаивать на своих правах (или, во всяком случае, привилегиях) врача. Чарли же отстоял свои права как священник, и это меня задело, но я не хотел ввязываться в словопрения. Мы были служителями двух конкурирующих культов: он — слуга Бога, я — слуга Науки, и в данных обстоятельствах я считал свое

священство равным по значимости, если не более важным. Но я не хотел показаться обидчивым или поспорить из-за мелочи. Мы находились в церкви, верные только начали подходить к причастию, и умирающий упал внутри алтарной ограды. Видимо, я решил, что Чарли находится на своей территории и его право следует уважать. Что это было — рыцарственное отношение к слабому или высокомерие по отношению к низшему существу? Думаю, и то и другое.

Возьми я тогда челюсти, история, которую сейчас пытаются выудить из меня эта молодая журналистка, была бы абсолютно другой. Более захватывающей? Не знаю. Но я совершенно определенно не собирался рассказывать мисс Эсме Баррон из газеты «Голос колоний» все, что мне известно. Если я оставлю кое-какие заметки в своем врачебном журнале, который веду через пень-колоду, их кто-нибудь найдет после моей смерти. Найдет много больше, чем просто «кое-какие заметки», но когда я это писал, то еще не знал, насколько рассказ меня захватит. Я не собирался изливать душу этой очень привлекательной, тактичной молодой женщине, которой не доверял ни на грош.

Она задала вопрос. Надо отвечать.

— Да, я подписал свидетельство о смерти. Я осмотрел тело, как только его вынесли в ризницу.

— Кто его вынес?

— Двое диаконов, которые прислуживали в алтаре во время мессы.

— Что такое «диакон»?

— Нечто вроде кандидата в священники. Низший священнический чин в англиканской церкви. Диакон стоит на пути к рукоположению и определенным образом участвует в службах, но не может совершать евхаристию или благословлять прихожан. И исповедовать не может, а принимать исповеди в приходе Святого Айдана было нелегкой работой.

— Это так называемая Высокая церковь?

— Очень высокая. Настолько высокая, насколько мог вытерпеть архиепископ. Литургия преждеосвященных даров утром Страстной пятницы — признак очень высокой церкви.

— Вы считаете, это было смело?

— Ну, если вы считаете, что возродить церемонию девятого века в Торонто в тысяча девятьсот пятьдесят первом году было смело, то да. Не сказать, чтобы наш город уходил корнями в Средние века.

— Что это за церемония? Очень пышная?

— Как сказать. Она так называется потому, что хлеб и вино для причастия готовят и освящают накануне ночью и хранят в боковой часовне. Это была особая служба, приуроченная к Страстной пятнице, и к девяти утра в храме собралась все силы прихода: хор наверху, знаменитый доктор Декурси-Парри у органа и хор перед алтарем для григорианских песнопений, с регентом — скандально знаменитым Дарси Дуайером, облаченным соответственно важности случая. Литургию служил всеми любимый старший священник отец Ниниан Хоббс, а сослужил ему отец Чарльз Айрдейл, которого я хорошо знал. В храме присутствовали почти двести человек...

— Что это за люди? Кто были прихожане?

— Самые разные. Смесь, типичная для Святого Айдана. Одни явно обеспеченные, другие явно бедные; от англосаксов до чернокожих — последних в приходе Святого Айдана было много, так как туда ходили грузчики с железнодорожного вокзала. Время от времени кое-кто из них прислуживал в алтаре во время литургии, и тогда некоторые прихожане отпускали шуточки насчет «черной мессы». Юмор в духе прихода Святого Айдана — ладан, припахивающий порохом. Еще на той службе присутствовали девять монахинь из ордена Святого Иоанна — поблизости

располагались их монастырь и школа. О, приход Святого Айдана был очень сплоченным, а также весьма влиятельным, поскольку притягивал людей из всех районов города. Епархиальные власти...

— Что-что?

— Епископ и подчиненные ему священники, которые управляют церковным округом, епархией. Святой Айдан был для них жалом в плоть, поскольку от него прямо-таки разило Римом...

— Разило Римом? Что это значит?

— Мисс Баррон, если я буду вынужден читать вам лекции по азам истории церкви, мы никогда не закончим. Вы в курсе, что англикане — протестанты? Ну разумеется. Но в англиканстве есть одна ветвь, которая настаивает, что она — католическая церковь во всех смыслах этого слова, только не признает верховенства «римского епископа». Кое-кто придерживается белыми нитками шитого убеждения, что эта ветвь ведет свое начало от доавгустиновой кельтской церкви в Британии...

— Да, я понимаю. Я, вообще-то, не глупа. Но среди моих читателей много таких, которые ничего этого не знают, поэтому мне приходится писать доступно и интересно. Так каким образом Рим мог проникнуть в англиканскую церковь в Торонто?

— Традициями, которые сами по себе не очень важны, но в общей массе значимы. Например, то, что священников называют «отец такой-то», литургию — мессой, кланяются и крестятся во время службы, кадят ладаном и... ну, масса всего...

— Да-да, поняла. Но я хотела бы вернуться к моменту, когда старик умер. Расскажите, что в точности произошло.

— Казалось, все на мази. Поскольку Святые Дары были приготовлены накануне, их внесли в алтарь торжественной процессией после Поклонения Кресту, которое сопро-

вождалось дивным григорианским песнопением. Много кадили. Потом отец Хоббс произнес молитвы перед причащением, взял выложенную специально для него гостию, поднял перед собой для всеобщего обозрения, положил в рот... у него сделался какой-то странный вид, и он рухнул. Айрдейл долю секунды не двигался — вероятно, сначала решил, что старик просто преклоняет колени. Но ведь это делают до того, как взять гостию. Забыл по старости лет? Но тут же стало ясно, что священник упал. Отец Айрдейл и диаконы бросились к нему, приподняли — но я видел, что он уже мертв.

— Так быстро?

— Я бы сказал, что прошло не больше десяти секунд.

— А откуда вы знаете, что он был уже мертв?

— У меня большой опыт. На войне и полицейским врачом. Научился узнавать по виду. Что-то отлетело.

— Как бы вы это определили?

— Именно в таких словах. Душа отлетела.

— Душа?

— Вы, кажется, удивлены.

— Да. Вы врач — и говорите о душе.

— Именно так.

— Я слыхала, что доктор Розвир, который работает в Центральной городской больнице, выразился так: «Я оперировал больше тысячи пациентов и ни разу не видел ни у одного из них внутри чего-либо похожего на душу».

— Знаю. Я тоже слышал, как он это говорит.

— Но вы бы так не выразились?

— Нет, я бы так не выразился.

— Вероятно, именно поэтому вы оказались в храме в тот день, когда старый отец Хоббс скончался в алтаре.

— Частично.

— Частично?

— Не будем в это вдаваться.

— Хорошо. Когда мне можно прийти снова?

— А когда вам нужно закончить статью?

— Это не к спеху. Нас несколько журналистов, мы работаем над серией «Торонто, которого больше нет». Мне бы хотелось прийти к вам еще несколько раз, если можно.

— Можно.

— Но прежде чем я уйду, скажите... Я пытаюсь выведать подлинную историю этой смерти, потому что потом ведь шли разговоры о канонизации, верно?

— Позвольте, мы оставим это на следующий раз? Я слышу, что у меня в приемной пациент.

Я проводил мисс Баррон к выходу, снова мучаясь вопросом: следовало ли взять вставные челюсти? Чарли Айрдейл настаивал, чтобы я тут же, на месте, выдал свидетельство о смерти, но, конечно, я не ношу с собой этих бланков. А раз мне все равно пришлось вернуться к себе в клинику, я мог бы и челюсти прихватить, провести несколько стандартных анализов — посмотреть, не прояснят ли они причину смерти. Но вышло так, что я не настаивал. А когда один из диаконов позвонил с напоминанием, я мог бы отослать в священнический дом при церкви и свидетельство о смерти, и зубы, указав в графе «причина смерти» остановку сердца. Ведь смерть человека всегда так или иначе наступает от остановки сердца.

Если у меня и были какие-то сомнения, вскоре они развеялись.

(2)

Мне следует быть очень осторожным с мисс Эсме Баррон. Не хочу сказать, что подозреваю ее в нечестности, но ей, как всем хорошим журналистам, свойственно неустанное любопытство. Она виртуозно владеет техникой перекрестного допроса — такого мастера я даже в суде не встречал. Я много раз выступал на суде в качестве эксперта, особенно когда работал полицейским врачом, и знаю, что юристы обычно действуют исподволь, даже если у них это плохо получается. Но журналисты вроде Эсме не действуют исподволь: они задают вопросы в лоб, интересуются самым сокровенным, выбивают из колеи и сразу замечают, если допрашиваемый пытается юлить. Они прицепятся к какому-нибудь моменту, который вы как раз пытаетесь обойти; они неумолимы, а если вы не захотите отвечать на вопрос, вас обвинят в сокрытии фактов.

Но я по-своему хитер не меньше, чем мисс Баррон. Мне надо многое скрыть, и я это скрою. Я подкину ей другие лакомые кусочки, чтобы она не стала раскапывать неприятную историю, которая развернулась после смерти отца Хоббса.

Но ведь прошло уже много лет; кого волнует старый священник, упавший замертво на мессе? Я прекрасно знаю ответ на этот вопрос: если мисс Баррон состряпает блюдо с жареными фактами, заинтересуется вся ее читательская

аудитория — тысячи людей. Мисс Баррон стойко защищает то, что называет «правом граждан на информацию», — иными словами, свое личное право раструбить на весь свет то, что произведет сенсацию или вызовет нездоровый интерес публики. Но люди моей профессии клянутся хранить тайну — совсем как священники.

Об этой серии статей — «Торонто, которого больше нет» — я узнал раньше мисс Баррон. Идея принадлежала ее начальнику, а ее начальник — мой крестный сын Коннор Гилмартин. Еще он ее любовник — или она его любовница: в таких делах никогда не знаешь всей подноготной. Он отдает ей самые интересные статьи серии: по логике вещей статью о церкви и приходе Святого Айдана должны были поручить религиозному редактору (двусмысленное выражение) той же газеты Хью Макуэри, с которым я хорошо знаком и который справился бы с этой задачей намного лучше. Я точно помню: именно Хью, когда мы заговорили об этой серии статей, сказал, что околоток Святого Айдана принадлежит или принадлежал к числу интереснейших «деревень» Торонто и его следовало бы хорошенько изучить и описать.

Идея «деревень» сначала возникла у мэра Торонто, одного из лучших мэров за всю историю города. Он сказал, что Торонто особенно интересен среди других городов Северной Америки, поскольку состоит из нескольких «деревень» — китайской, итальянской, португальской, арабской, тайваньской и многих других, не говоря уже про общину ортодоксальных евреев, о которых большинство горожан мало что знают. Все эти общины живут в более-менее четко очерченных районах со своими магазинами, своими местами сборищ, иногда — собственными газетами; члены общин вместе приглядывают за соседскими детьми, вместе соблюдают обряды своей религии, вместе заботятся о ста-

риках. И благодаря этому насильственные преступления в таких общинах происходят намного реже, чем могли бы.

Представление мэра о Торонто было верным — если не полностью, то по большей части. «Голос колоний» хотел писать с этой точки зрения и продвигать ее. Обсудить, как возникли эти «деревни» и как сохраняется их своеобразие среди иммигрантов второго и третьего поколения.

Околоток Святого Айдана был интересен как, возможно, единственная сохранившаяся англосаксонская или англо-кельтская деревня, в сердце которой — большой и активный церковный приход.

Эсме упомянула разговоры о канонизации. В самом деле, такие разговоры шли, и я собирался приложить все силы, чтобы направить их в нужное русло, если они опять начнутся. Хотя бы это я мог сделать для своего бедного старого друга Чарли Айрдейла, который принес невообразимо огромную, в его понятиях, жертву, чтобы канонизация состоялась. Но надо быть предельно осторожным, ведь Эсме — далеко не дура.

(3)

— Надо полагать, теперь я должна звать вас «дядя Джек».

— Пожалуйста, не надо. Мое имя Джонатан, и я никогда не использовал уменьшительных. Это совершенно не в моем характере. Если уж так хочется, называйте меня «дядя Джон».

— Нет, не буду, если этого не хочется вам. Я не хочу быть слишком фамильярной. Но мне показалось, что «доктор Халла» звучит слишком официально, раз я замужем за Гилом.

— Не надо меня называть никаким дядей. Зовите меня Джон, а я буду звать вас Эсме.

С тех пор как Эсме Баррон в последний раз сидела на стуле пациента у меня в консультационной, произошло очень многое. У меня не кабинет, а консультационная; почему — скажу вам во благовремени. Эсме и мой крестный сын Коннор Гилмартин поженились, причем венчались в церкви, что меня удивило, — мне казалось, что Гил с годами отошел от религии. Свадьба была не шумная, гостей немного. Присутствовали родители невесты — непримечательная пара откуда-то с запада провинции Онтарио; я так понял, что у них там большой участок земли и теплица, где они растят овощи на продажу. Супруги были явно не в сво-

ей тарелке: жена кругленькая, как бочонок или ноль, в бифокальных очках и серых чулках; муж маленький, подтянутый, что неудивительно для садовника, и явно в своем лучшем костюме — судя по виду, неуничтожимом, из серой материи, похожей на гофрированное железо крыши. Родители Гила — профессор Брокуэлл Гилмартин и профессор Ньюэла Гилмартин из университета Уэверли, мои старые друзья и много больше чем друзья. Больше не было никого, только Хью Макуэри, шафер Гила, с обычной гримасой отчаяния на лице (обманчивой), и молодая женщина, чьего имени я не уловил, — подружка невесты. Впрочем, судя по виду невесты, она не нуждалась и никогда не будет нуждаться ни в каких подружках и замечательно может сама за себя постоять. Однако выглядела она прекрасно — Эсме вообще красива, да и плоха та невеста, которая не может прихорошиться в свой торжественный день. Белое платье Эсме надевать не стала. Умница.

Я присутствовал на свадьбе в роли всеобщего друга, а также врача на случай, если Гил упадет в обморок у алтаря, — судя по виду, это не исключалось.

А теперь Эсме вернулась ко мне в консультационную и к своей задаче — раскопать все, что можно, интересного и красочного о «деревне», окружающей церковь Святого Айдана.

— Канонизация, — напомнила она. — Что имелось в виду?

— О, всего лишь мелкое местное начинание. Отец Хоббс был очень популярен. Даже более того. Его любили. Потому что он был очень добродетелен, понимаете?

— В каком смысле добродетелен?

— Почти не отапливал свой дом — он жил при церкви. Одевался исключительно в ветхие облачения, которым было уже лет тридцать. Ужасно питался и ожидал от всех

священников, живших вместе с ним в церковном доме, того же самого. Отдавал бедным все свои деньги, до последнего гроша. Впрочем, в наше время это невозможно. Скажем так, отдавал до последнего гроша все деньги за вычетом тех, на которые наложило лапу государство, и тех, что нужны были на самое необходимое. Зимними ночами он бродил по территории прихода — по темным проулкам — в поисках бродяг, которые спяну упали куда-нибудь спать и могли замерзнуть насмерть. Он то и дело приводил кого-то из них домой и укладывал в собственную постель, а сам спал на диване — а уж диван в доме при церкви был дыбой, которая испытала бы терпение даже у святого. Время от времени возникали нехорошие слухи из-за того, что отец Хоббс был очень щедр к проституткам, которым временно не везло. Он заставлял их более процветающих сестер скидываться и выручать их. Он уговаривал проститутку приходиться к нему на исповедь; они приходили и очищались духовно. Он с ними шутил, и они его обожали. Видели бы вы, сколько проституток собралось на его похороны! Он нажил себе неприятности, потому что не заботился о храме: раздавал бедным деньги, выделенные на отопление, починку крыши и замену электрических лампочек... Конечно, раз священник подавал такой пример, прихожане тоже не скупались. Приход Святого Айдана был небогат по любым меркам, но люди проявляли удивительную щедрость перед лицом Хоббса, потому что он сам никогда себя не щадил. Отец Айрдейл лез из кожи вон, чтобы поддерживать храм в приличном состоянии; многие прихожане помогали — жертвовали облачения для алтарников и священства, оплачивали немаленькие счета за свечи, чтобы службы выглядели красиво и торжественно. Опять-таки проститутки обожали платить за ладан. Проститутки, знаете ли, бывают очень набожными. В их профессии без религии не обой-

тись. В общем, каждый вносил свою лепту. Декурси-Парри, который заведовал музыкой, мог бы в любом другом месте получать вдвое большее жалование, но он обожал атмосферу Святого Айдана и добился того, что хор и орган там были лучшие в Торонто. Дуайер работал самоотверженно — а если вы знали Дуайера, то знаете также, что у него было очень много «себя», которое приходилось отвергать, — потому что он обожал григорианские песнопения и тонкости ритуала. В целом атмосфера прихода потрясала... Поэтому неудивительно, что, когда бедный старый отец Хоббс умер на глазах у своих прихожан, у подножия священного алтаря — истинного стола трапезы Божией, — его объявили святым и хотели по этому поводу что-нибудь сделать.

— Так что же они сделали?

— А делать было нечего. Епископ послал одного из своих архидиаконов, и тот произнес проповедь, в которой подробно объяснил, что англиканская церковь больше никого не канонизирует, хотя это ничуть не умаляет величия святых, просиявших до Реформации. Типичное для англиканской церкви желание сидеть на двух стульях. И через некоторое время все стихло.

— А я слышала другое. Я слышала, что был большой шум и даже разговоры о чудесах. Разве епископу не пришлось принимать серьезные меры?

— О, люди обожают преувеличивать в подобных делах. Поверьте мне на слово, то была буря в стакане воды. Я при этом был, я знаю.

— Но ведь епископ выгнал Айрдейла из прихода?

— Боже мой, нет, конечно! Отца Айрдейла через некоторое время перевели в другой приход, в северной части этой огромной епархии. Я полагаю, епископ хотел дать Чарли отдохнуть после чересчур накаленной атмосферы Святого Айдана.

— Джон, тут где-то зарыта собака. Надеюсь, собака — это не вы?

— Никоим образом. Но у меня память как хороший холодильник, а это нечасто встречается.

— Вы ведь хорошо знали Айрдейла, верно?

— Ну... Мы вместе учились в школе.